

МИЛА ВЕТРОВА

МАМА СКАЗАЛА!

18+

Мила Ветрова
Мама сказала

«Автор»

2026

Ветрова М.

Мама сказала / М. Ветрова — «Автор», 2026

Как меняется жизнь, когда за неделю до собственной свадьбы узнаёшь об измене любимого человека? Ещё вчера ты выбирала свадебное платье, мечтала о счастливом будущем и верила, что рядом с тобой мужчина, с которым ты проживёшь всю жизнь. А сегодня не понимаешь, как человек, которому ты доверяла больше всех, мог так с тобой поступить. В один миг рушится всё: планы, мечты и вера в любовь. Но иногда самое страшное предательство становится началом совершенно другой жизни. Главное — найти в себе силы закрыть дверь в прошлое, даже если сердце всё ещё любит. Это история о предательстве, семейных тайнах и женщине, которой предстоит узнать, что настоящая любовь совсем не такая, какой она её представляла.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мама сказала

Глава

«МАМА СКАЗАЛА!»

Глава первая. Это не твоя свадьба

Олеся долго не решалась выйти из примерочной.

Она поправила тонкую бретель на плече, осторожно расправила складки юбки и ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Белый шёлк мягко облегал фигуру, подчёркивая талию, а открытые плечи придавали платью ту самую лёгкость, которую она искала с самого начала. Ничего лишнего. Никаких тяжёлых кружев, пышных рукавов и бесконечных слоёв фатина. Только чистые линии, изящный силуэт и длинная юбка, красиво ложившаяся у ног. Именно таким Олеся представляла своё свадебное платье. Она мечтала об этом дне задолго до того, как в её жизни появился Дима. Когда-то, ещё девочкой, она вырезала из журналов фотографии невест, складывала их в коробку и время от времени доставала, чтобы рассмотреть каждую деталь. С возрастом мечты менялись, становились взрослее, реалистичнее, но одна вещь оставалась неизменной: в день собственной свадьбы она хотела чувствовать себя красивой. Не соответствующей чьим-то ожиданиям, не одобренной чужим взглядом, а именно красивой — для себя и для человека, которого любила.

Теперь этот день был совсем близко.

— Ну как? — спросила консультант из-за шторы. — Можно выходить? — добавила она с лёгкой улыбкой.

Олеся улыбнулась своему отражению.

— Да, сейчас, — ответила она, ещё раз поправив складки юбки.

Она отодвинула тяжёлую ткань и вышла в просторный зал салона.

У высоких окон стояли манекены в свадебных платьях. На стенах поблёскивали зеркала в тонких золотистых рамах, а мягкий свет делал помещение почти невесомым. Где-то негромко играла музыка. Пахло свежими цветами и чем-то сладким, едва уловимым. На диване, положив ногу на ногу, сидела будущая свекровь Олеси. Она подняла голову, когда девушка появилась из примерочной. На секунду Олеся даже перестала улыбаться, ожидая первой реакции. Ей хотелось, чтобы женщина оценила платье. Не обязательно восторгалась, не бросалась с объятиями и не начинала немедленно обсуждать будущих внуков. Достаточно было бы простого человеческого одобрения. Хотя бы улыбки.

В конце концов, они собирались стать семьёй.

Свекровь медленно оглядела её с головы до ног.

— Нет, — твёрдо произнесла она, даже не пытаясь скрыть недовольство.

Одно короткое слово перечеркнуло всё настроение.

Олеся сначала решила, что ослышалась.

— Простите? — переспросила она с растерянностью в голосе.

— Я говорю, нет. Это платье нам не подходит, — холодно пояснила женщина.

Женщина произнесла это так буднично, словно обсуждала не вещь, которую Олеся выбирала для одного из самых важных дней своей жизни, а неудачно купленную скатерть.

Улыбка постепенно исчезла с лица девушки.

— Почему? — спросила Олеся, невольно нахмурившись.

— Оно слишком открытое, — отрезала свекровь.

Свекровь чуть заметно повела плечом и снова посмотрела на платье.

— И вообще, я представляла себе совсем другое, — добавила она с видом человека, чьё мнение не подлежит обсуждению.

Олеся перевела взгляд на консультанта. Та старательно делала вид, что занята подбором аксессуаров, хотя по выражению её лица было понятно: разговор становился неловким.

— Мне оно нравится, — спокойно сказала Олеся, стараясь не показывать нарастающего раздражения.

— Тебе сейчас многое нравится. Это нормально. Ты молодая, ещё не понимаешь, как всё должно выглядеть, — снисходительно ответила свекровь.

Олеся посмотрела на неё внимательнее.

В этих словах не было ни вопроса, ни сомнения. Свекровь даже не пыталась выяснить, почему ей понравилось именно это платье. Она уже всё решила.

— Я, кажется, сама могу выбрать свадебное платье, — произнесла Олеся, сдерживая недовольство.

— Конечно, можешь. Но ты выходишь замуж не в одиночку, — невозмутимо возразила женщина.

Олеся замолчала.

Женщина достала телефон, несколько раз коснулась экрана и повернула его к ней.

— Вот. Посмотри, — распорядилась она, протягивая телефон.

На фотографии было другое платье: закрытое, с длинными рукавами, высоким воротником и плотным кружевом на лифе. Оно выглядело дорого, безупречно и совершенно не походило на то, что Олеся только что с такой радостью примеряла.

— Красивое, правда? — спросила свекровь с самодовольной улыбкой.

Олеся ещё раз посмотрела на фотографию.

— Возможно, — осторожно ответила она, не желая говорить больше, чем действительно думала.

— Вот и отлично. Я знала, что мы найдём общий язык, — удовлетворённо заключила женщина.

Женщина убрала телефон, словно вопрос был окончательно решён.

Но Олеся всё ещё стояла перед ней в своём платье.

— Вы серьёзно? — спросила она, недоверчиво посмотрев на будущую свекровь.

Свекровь нахмурилась.

— А что тебя удивляет? — холодно поинтересовалась она.

— Вы приехали со мной выбирать платье, чтобы показать мне фотографию и сообщить, какое я должна купить? — уточнила Олеся, уже не скрывая возмущения.

— Не передёргивай. Я хочу, чтобы у вас была красивая свадьба, — раздражённо ответила женщина.

— У нас? — переспросила Олеся.

— Да, у вас. У тебя и Димы, — пояснила свекровь с таким видом, будто девушка намеренно усложняла очевидные вещи.

Олеся почувствовала, как внутри медленно поднимается раздражение. Она попыталась подавить его, напомнив себе, что перед ней мать любимого человека. Женщина, которую Дима любил, которой доверял и чьё мнение, как он не раз говорил, имело для него огромное значение. Олеся старалась учитывать это. С самого начала. Она соглашалась на совместные ужины, выслушивала советы, улыбалась в ответ на замечания, которые иногда казались ей неуместными. Когда будущая свекровь критиковала её причёску, она отшучивалась. Когда та объясняла, что Дима привык к определённому распорядку дня, Олеся старалась не спорить. Ей казалось, что это обычные мелочи. Что со временем они привыкнут друг к другу. Но сейчас, стоя посреди свадебного салона в платье, которое выбрала сама, Олеся впервые почувствовала, что уступки становятся чем-то большим.

— Я хочу надеть платье, которое нравится мне, — твёрдо сказала она, глядя свекрови прямо в глаза. — Это моя свадьба.

— И Димины тоже, — немедленно возразила женщина.

— Я знаю, — сдержанно ответила Олеся.

— Тогда нужно думать не только о себе, — назидательно произнесла свекровь.

Олеся медленно вдохнула. Она могла бы ответить резко. Могла бы напомнить, что именно ей предстоит провести в этом платье весь день, что именно она будет стоять перед алтарём и что чужое мнение не должно определять, как ей выглядеть. Но дело было уже не в платье. Дело было в том, что женщина напротив искренне не понимала, почему Олеся вообще возражает. В её представлении всё происходило совершенно естественно: она предлагала, Олеся соглашалась. Она знала, как будет лучше, а молодая девушка должна была прислушиваться. Возможно, так было принято в её семье. Возможно, именно так она привыкла заботиться о сыне — решая за него, пока он сам не успевал понять, чего хочет.

Олеся не знала.

Но ей совершенно не нравилась мысль, что после свадьбы подобные разговоры станут обычной частью её жизни.

Она опустила взгляд на платье. Несколько минут назад оно казалось ей воплощением маленькой мечты. Теперь ткань вдруг стала тяжёлой, а собственное отражение — непривычно чужим.

— Хорошо, — произнесла Олеся, стараясь сохранять спокойствие.

Свекровь заметно расслабилась.

— Вот и умница. Я же не враг тебе, — самодовольно улыбнувшись, ответила женщина.

Олеся подняла голову.

— Тогда давайте кое-что проясним, — сказала она с неожиданной для самой себя твёрдостью.

— Что именно? — настороженно спросила свекровь.

Девушка посмотрела ей прямо в глаза.

— Если я не могу самостоятельно выбрать даже свадебное платье, то что будет дальше? — спросила Олеся, стараясь не отводить взгляда.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — сухо ответила женщина.

— К тому, что я собираюсь замуж за Диму. Не за вас, — произнесла Олеся, уже не пытаясь смягчить свои слова.

Лицо женщины изменилось.

Впервые за всё время разговора она не нашлась с ответом сразу.

Олеся продолжила, уже не пытаясь смягчить каждое слово:

— Я уважаю вас. Я знаю, как много вы значите для Димы. И я никогда не собиралась мешать вашим отношениям. Но я не хочу всю жизнь спрашивать разрешения на собственные решения, — сказала она, чувствуя, как волнение постепенно уступает место решимости.

— Олеся, ты сейчас говоришь совершенно неприемлемые вещи, — возмущённо ответила свекровь.

— Возможно, — спокойно отозвалась девушка, хотя внутри у неё всё напряжённо сжалось.

— Я просто пытаюсь помочь. Ты ещё не знаешь, сколько всего нужно учесть перед свадьбой. У тебя нет такого опыта, — с подчеркнутым терпением пояснила женщина.

— А у вас есть опыт моей жизни? — спросила Олеся, не сумев скрыть горькую усмешку.

В салоне стало тихо.

Консультант замерла возле стойки с аксессуарами. За окном проехал автомобиль, и его шины негромко прошуршали по мокрому асфальту.

Свекровь выпрямилась.

— Я не позволю разговаривать со мной в таком тоне, — отчеканила она, холодно глядя на девушку.

Олеся почувствовала, как дрожат пальцы, и сцепила руки перед собой. Ей было страшно. Не перед этой женщиной — перед тем, что собственные слова могли изменить слишком многое.

Дима наверняка расстроится. Спросит, зачем она устроила сцену. Скажет, что мама хотела как лучше. Попросит не обращать внимания на мелочи.

И, возможно, она снова уступит.

Как уступала раньше.

Но сейчас, глядя на женщину, которая уже выбрала за неё платье, Олеся вдруг поняла: если она промолчит и на этот раз, в следующий раз от неё потребуют чего-то большего.

Она расправила плечи.

— Знаете что? Хорошо. Тогда я подумаю, стоит ли мне вообще выходить замуж за вашего сына, — произнесла Олеся с твёрдостью, которой сама от себя не ожидала.

Свекровь побледнела.

— Что? — переспросила она, ошеломлённо уставившись на девушку.

Впервые в её голосе прозвучало неподдельное изумление.

Она явно ожидала слёз, обиды, возражений — чего угодно, кроме того, что девушка поставит под сомнение саму свадьбу.

Олеся не стала ничего объяснять.

Она развернулась и направилась обратно в примерочную. Белая юбка скользнула по полу, едва слышно шелестя. У самой шторы девушка остановилась, на мгновение прикрыла глаза и только потом вошла внутрь.

Ей нужно было остаться одной.

Хотя бы на несколько минут.

За шторой она прислонилась спиной к стене и посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали.

Олеся никогда не считала себя человеком, который легко отказывается от отношений. Она умела договариваться, прощать, искать компромиссы. Ей казалось, что любовь именно этого и требует: иногда отступить, иногда промолчать, иногда принять чужие особенности.

Но где заканчивалось умение идти навстречу и начиналось предательство самой себя?

Она не знала ответа.

Снаружи послышался голос будущей свекрови:

— Это ещё что за выходки? Она вообще понимает, что говорит? — возмущённо воскликнула женщина.

Олеся замерла.

— Я не для того растила сына, чтобы какая-то девочка ставила мне условия, — продолжила свекровь с негодованием.

Наступила короткая пауза.

— Дима должен знать, что здесь происходит, — решительно добавила она.

Олеся медленно опустила голову.

Конечно.

Дима должен знать.

И именно сейчас ей отчаянно захотелось, чтобы он оказался рядом. Чтобы вошёл в салон, посмотрел на них обеих и сказал, что это её платье, её решение и её право выбирать. Чтобы хотя бы один раз не пришлось доказывать, что она тоже имеет значение. Она представила его улыбку, привычное движение руки, когда он убирал прядь волос с её лица, и тот спокойный голос, которым он обычно говорил: «Не переживай, всё будет хорошо».

Олеся любила его.

В этом она не сомневалась.

Но впервые ей пришло в голову, что любить человека и быть счастливой рядом с ним — не всегда одно и то же.

Она осторожно коснулась ткани платья. Ещё несколько минут назад ей казалось, что сегодня она выбирает наряд для самого счастливого дня своей жизни.

Теперь ей предстояло понять, готова ли она вообще к этой жизни.

И главное — есть ли в ней место для неё самой.

Глава 2. В этом доме свои правила

Олеся всегда считала, что совместная жизнь начинается с приятных мелочей.

С чашки кофе, которую можно выпить вдвоём, пока за окном просыпается город. С привычки оставлять друг другу записки на кухонном столе. С выбора постельного белья, споров о том, куда поставить торшер, и долгих вечеров, когда совершенно неважно, что смотреть по телевизору, потому что гораздо интереснее обсуждать прошедший день.

Она представляла, как однажды они с Димой вернутся домой после работы, сбросят обувь у порога, закажут что-нибудь на ужин и будут решать, куда поехать в отпуск. Как постепенно их вещи перемешаются, его рубашки окажутся рядом с её платьями, а в ванной появятся две зубные щётки, которые никто не станет переставлять на разные полки.

Ей хотелось простого счастья. Без громких обещаний и без необходимости каждый день доказывать, что она заслуживает своего места рядом с любимым человеком.

Именно поэтому, когда Дима предложил пожить у него до свадьбы, Олеся согласилась почти сразу.

— Так нам будет удобнее, — объяснил он, обнимая её за талию. — Не придётся постоянно мотаться друг к другу. Да и времени вместе станет больше.

— А твоя мама не будет против? — осторожно спросила Олеся, вспоминая разговор в свадебном салоне.

Дима тогда только рассмеялся.

— Мама? Да брось. Она же понимает, что мы взрослые люди.

Олеся поверила ему.

В конце концов, Дима говорил об этом так уверенно, что сомневаться казалось нелепым.

Теперь она стояла посреди его спальни, окружённая коробками, пакетами и раскрытыми чемоданами, и начинала подозревать, что они с Димой совершенно по-разному представляли себе их совместную жизнь.

Комната была просторной и светлой. Большую часть стены занимали окна, за которыми виднелись соседние дома и верхушки деревьев. На широкой кровати лежало светлое покрывало, у изголовья стояли две одинаковые тумбочки, а напротив располагался комод из тёмного дерева.

Олеся решила начать с него.

Она открыла верхний ящик, надеясь освободить хотя бы немного места для белья. Внутри обнаружили аккуратно сложенные простыни, наволочки и несколько комплектов постельного белья, перевязанных лентами.

Девушка закрыла ящик и потянула следующий.

То же самое.

В третьем лежали полотенца, а в нижнем — какие-то коробки.

Олеся задумчиво посмотрела на комод. Возможно, у Димы имелся ещё один шкаф. Она пока не успела толком осмотреть дом, поэтому решила спросить позже.

В этот момент в спальню вошла его мать.

— Ой, а ты что, решила этот комод занять? — удивлённо спросила она, остановившись в дверях.

Олеся обернулась.

— Ну да, — ответила она с лёгкой улыбкой. — А куда же мне складывать свои вещи? Женщина посмотрела на раскрытые ящики, словно Олеся совершила нечто неожиданное.

— Здесь вообще-то наше постельное бельё лежит. Оно ещё от бабушки осталось. Она произнесла это с такой серьёзностью, будто речь шла о фамильных драгоценностях. Олеся вновь заглянула в комод.

— Но тут же почти весь комод занят, — заметила она, стараясь говорить спокойно.

— Ну и что? — пожала плечами свекровь.

Олеся несколько секунд смотрела на неё, ожидая продолжения. Ей казалось, что сейчас женщина предложит освободить пару ящиков или хотя бы покажет, где можно разместить её одежду.

Однако свекровь, судя по всему, уже считала вопрос решённым.

— Ты пока можешь свои вещи в чемодане оставить, — добавила она с невозмутимым видом.

Олеся медленно повернулась к ней.

— В чемодане? — переспросила она с искренним недоумением.

— Конечно. А что такого?

Женщина прошла в комнату и поправила угол покрывала, хотя тот и без её вмешательства лежал идеально ровно.

— Вы же пока только пожить приехали.

Последние слова она произнесла совершенно буднично.

Олеся почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— В смысле «пожить»? — переспросила она, уже не скрывая удивления.

Свекровь наконец посмотрела на неё.

— Ну, Олеся, свадьбы ещё не было.

Несколько секунд девушки словно не существовало в комнате. Были только её чемоданы, чужие вещи в комоде и женщина, которая объясняла ей очевидное с терпением школьной учительницы.

Олеся даже не сразу нашлась, что ответить.

Она приехала сюда не на выходные. Не переночевать после вечеринки и не переждать ремонт в собственной квартире. Она собиралась выйти замуж за Диму. Они сами обсуждали переезд, вместе выбирали, что взять с собой, и говорили о том, как хорошо будет жить под одной крышей.

Разве это не означало, что теперь у неё тоже будет здесь своё место?

— Но мы же с Димой договорились, что я перееду, — произнесла Олеся, пытаясь понять логику происходящего.

— Ну и что? — с лёгким раздражением отозвалась свекровь. — Я же не выгоняю тебя. Живи на здоровье.

Она сказала это так, словно проявляла невероятную щедрость.

— Просто не нужно сразу всё перестраивать под себя. В этом доме свои порядки.

Олеся опустила взгляд на чемодан, стоявший возле кровати.

Она могла бы возразить. Сказать, что речь идёт не о перестановке мебели, а о её личных вещах. Что ей не хочется каждое утро рыться в чемодане в поисках одежды. Что она не понимает, почему постельное бельё, которым никто не пользуется ежедневно, имеет больше прав на пространство, чем человек, собирающийся стать женой хозяина комнаты.

Но женщина уже направлялась к выходу.

— Разберёшься потихоньку, — бросила она через плечо. — Главное, чтобы Диме было комфортно. Он привык к определённому укладу.

Дверь закрылась.

Олеся осталась одна.

Она медленно подошла к комоду и провела ладонью по гладкой деревянной поверхности. Затем открыла верхний ящик, посмотрела на аккуратно сложенные простыни и осторожно задвинула его обратно.

Всё было на своих местах.

Кроме неё.

Вечером Олеся лежала на кровати, поджав ноги и укрывшись лёгким пледом.

На ней была светлая атласная пижама, которую она специально купила для переезда. Ей хотелось, чтобы первая ночь в новом доме была особенной. Не обязательно романтической до последней мелочи, но уютной, наполненной ощущением близости.

Она представляла, как они с Димой будут лежать рядом, обсуждать прошедший день, смеяться над какой-нибудь ерундой и постепенно привыкать к тому, что теперь им не нужно расставаться по вечерам.

Вместо этого Олеся уже полчаса смотрела в одну точку и пыталась убедить себя, что ничего страшного не произошло.

В конце концов, это всего лишь комод.

Смешно было бы расстраиваться из-за мебели.

Но дело было не в мебели.

Её задело то, с какой лёгкостью будущая свекровь распорядилась её личным пространством. Женщина даже не сочла необходимым спросить, удобно ли Олеся, есть ли у неё другие вещи, нужно ли ей помочь.

Она просто сообщила правила.

А Олеся должна была принять их без возражений.

Дверь открылась, и в спальню вошёл Дима.

— Эй, малышка, — ласково позвал он, заметив, что она лежит неподвижно. — Ты чего такая грустная?

Он подошёл к кровати, сел рядом и наклонился, чтобы поцеловать её в висок.

Олеся повернула к нему голову.

— Твоя мама запретила мне складывать вещи в комод, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Представляешь? Она сказала, чтобы я оставила всё в чемодане.

Дима несколько секунд молчал, словно пытался понять, действительно ли это та проблема, из-за которой стоит расстраиваться.

Потом усмехнулся.

— Ой, ну брось. Это же просто мама. Ей просто нужно к тебе привыкнуть, — ответил он беспечно, поглаживая Олеся по плечу.

Девушка посмотрела на него с недоверием.

— А мне тоже нужно привыкнуть? — спросила она, чуть приподняв брови.

Дима нахмурился.

— К чему?

— К такому отношению к себе.

Он убрал руку с её плеча.

— Олеся, ну что ты начинаешь? — произнёс он с усталой улыбкой. — Она не со зла. Просто у неё свои привычки. Она всегда так жила.

— И что теперь? Я должна подстраиваться под все её привычки?

— Да никто тебя не заставляет.

— Правда? — Олеся приподнялась на локте и внимательно посмотрела на него. — Тогда почему я должна хранить одежду в чемодане в комнате, где мы с тобой собираемся жить?

Дима отвёл взгляд к окну.

— Потому что там вещи бабушки. Мама к ним привязана. Ты же знаешь, какая она.

— Я как раз сейчас начинаю понимать, какая она.

Он поморщился, словно её слова показались ему несправедливыми.

— Не нужно так говорить о моей маме.

Олеся замолчала.

Вот оно.

Она рассказала ему, что чувствует себя неуютно в собственном новом доме, а он первым делом решил защитить мать.

Не спросил, обидела ли она её. Не предложил поговорить с ней. Даже не попытался понять, почему обычная просьба освободить ящик стала для Олеси настолько болезненной.

Он просто объяснил, почему мама имеет право поступать именно так.

— Я не оскорбляю её, — тихо ответила Олеся. — Я говорю о том, что произошло.

— Ничего особенного не произошло.

Дима произнёс это с такой уверенностью, что Олеся на мгновение растерялась.

Может быть, действительно ничего особенного?

Может быть, она слишком остро реагировала на обычные бытовые сложности?

Она попыталась посмотреть на ситуацию его глазами. Для него этот дом был привычным. Здесь всё имело своё место, свои правила и свою историю. Мать всегда заботилась о нём, решала множество вопросов, следила за тем, чтобы в доме было чисто, еда приготовлена, вещи на своих местах.

Возможно, Дима действительно не замечал, насколько трудно человеку со стороны вписаться в такой уклад.

Но ведь он сам предложил ей переехать.

И ни разу не предупредил, что в этом доме для неё пока не предусмотрено даже места в комод.

— Я просто хочу чувствовать себя здесь дома, — призналась Олеся, глядя на него с надеждой.

Дима вздохнул.

— Конечно, будешь. Со временем всё наладится.

Он снова попытался обнять её, но Олеся осторожно отстранилась.

— А если не наладится?

— Почему не наладится?

— Потому что каждый раз, когда я пытаюсь что-то сделать по-своему, мне объясняют, что здесь всё устроено иначе.

Дима провёл ладонью по лицу.

— Малыш, я не хочу сейчас ссориться из-за ерунды.

Олеся замерла.

Из-за ерунды.

Она повторила эти слова про себя, словно пыталась найти в них какой-то другой смысл.

— Хорошо, — наконец произнесла она.

Дима с облегчением улыбнулся, решив, что разговор окончен.

— Вот и умница. Давай не будем портить вечер.

Он наклонился, поцеловал её в лоб и поднялся с кровати.

— Я ещё к маме зайду. Она просила помочь ей кое с чем.

Олеся ничего не ответила.

Дима постоял возле двери, словно ожидая, что она его окликнет, затем вышел из спальни.

Она услышала его шаги в коридоре, потом приглушённый голос свекрови.

И только тогда позволила себе закрыть глаза.

Плакать не хотелось. Вернее, хотелось, но она слишком устала от собственных переживаний, чтобы снова давать им волю.

Олеся повернулась на бок и посмотрела на чемодан возле шкафа.

Завтра она разберёт его.

Наверное.

Утро началось с запаха свежесваренного кофе.

Олеся проснулась раньше Димы, приняла душ, надела домашние брюки и мягкий свитер, а затем спустилась на кухню.

Ей хотелось приготовить завтрак. Не потому, что кто-то этого ждал, а потому, что она любила такие простые вещи. В её представлении забота о любимом человеке не была обязанностью. Это был способ проявить нежность, сделать утро немного приятнее, порадовать того, кто тебе дорог.

Она открыла холодильник и достала яйца, сыр и овощи.

На кухонном острове уже сидела мама Димы. Перед ней стояла белая чашка, рядом лежал телефон. Женщина просматривала сообщения, время от времени делая небольшие глотки кофе.

— Доброе утро, — поздоровалась Олеся, доставая с полки сковороду.

— Доброе, — коротко ответила свекровь, не отрывая взгляда от экрана.

Олеся включила плиту, поставила сковороду и начала нарезать овощи.

Некоторое время на кухне было тихо. Слышался только стук ножа о разделочную доску и негромкий шум кофемашины.

— Олеся, а ты что собираешься готовить? — наконец поинтересовалась свекровь, отложив телефон.

Девушка обернулась.

— Завтрак, — ответила она с лёгкой улыбкой.

— Я имею в виду, что именно.

Олеся посмотрела на продукты.

— Омлет с овощами. И тосты. А что?

Свекровь поставила чашку на стол и чуть заметно поджала губы.

— Я просто думаю, что Диме утром тяжёлая еда не нужна.

Олеся медленно положила нож на доску.

— А что тогда ему нужно? — спросила она, стараясь сохранить доброжелательный тон.

— Полноценный сбалансированный завтрак, — ответила женщина с видом человека, которому приходится объяснять совершенно очевидные вещи.

Олеся посмотрела на яйца, овощи и сыр.

Затем снова на свекровь.

— А омлет не подходит?

— Я не говорю, что не подходит. Просто Дима с детства привык к определённому питанию.

— Я не знала, — произнесла Олеся, чувствуя, как постепенно исчезает желание продолжать разговор. — Он мне ничего об этом не говорил.

— Ну, значит, теперь будешь знать.

Женщина вновь взяла чашку и отпила кофе, словно дала исчерпывающий ответ.

Олеся отвернулась к плите.

Ей очень хотелось спросить, собирается ли Дима и дальше получать инструкции от матери относительно каждого приёма пищи. Но она сдержалась.

Не хотелось начинать утро с конфликта.

Не хотелось снова выглядеть человеком, который придирается к мелочам.

Она взбила яйца, добавила немного молока и вылила смесь на сковороду. Через несколько минут кухня наполнилась приятным запахом приготовленного завтрака.

В этот момент появился Дима.

— Доброе утро! — бодро поздоровался он, входя на кухню.

— Доброе утро, дорогой, — ласково ответила мать.

Она поднялась со стула, подошла к сыну и обняла его за плечи.

— Выспался?

— Да — улыбнулся Дима, целуя её в щёку.

Олеся наблюдала за ними, держа в руках лопатку.

В этой короткой сцене было столько привычной близости, что она вдруг почувствовала себя лишней. Не потому, что мать обняла сына. Не потому, что они были нежны друг с другом.

Просто Олеся всё чаще замечала: рядом с матерью Дима словно возвращался в другую роль. Взрослый мужчина, который собирался жениться, становился мальчиком, которого нужно накормить, одеть и убедить, что он всё делает правильно.

— Дим, — обратилась к нему мать, окинув взглядом его домашнюю одежду, — к завтраку нужно быть прилично одетым.

Дима опустил глаза на свою футболку и спортивные штаны.

— А что не так?

— Ну как что? Ты же не один живёшь.

Женщина произнесла это с укоризной, после чего многозначительно посмотрела на Олеся.

— За столом нужно выглядеть соответствующим образом, а не сидеть в пижаме.

Олеся замерла у плиты.

Она не могла понять, действительно ли свекровь сейчас делает ей замечание через Диму или просто привыкла контролировать каждую мелочь. Но взгляд женщины не оставлял сомнений: девушка тоже должна была усвоить урок.

Дима неловко усмехнулся.

— Хорошо, мам. Переоденусь.

— Вот и молодец, — одобительно кивнула она.

Он бросил на Олеся короткий взгляд, словно надеялся, что она не придаст этому значения, и вышел из кухни.

Свекровь вернулась к своему месту.

— Молодые сейчас совсем иначе воспитаны, — заметила она, снова беря чашку. — Иногда приходится напоминать о самых простых вещах.

Олеся медленно положила лопатку на край сковороды.

— Дима взрослый человек, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Женщина подняла глаза.

— Разумеется. Я разве утверждала обратное?

— Тогда, наверное, он сам может решить, в чём ему удобно завтракать.

Свекровь внимательно посмотрела на неё. На лице женщины появилась едва заметная улыбка, в которой не было ни капли веселья.

— Конечно, может. Но в этом доме у нас принято уважать друг друга.

Олеся почувствовала, как к щекам приливает тепло.

Она уже слышала эти слова.

Вчера — когда пыталась найти место для своих вещей.

Сегодня — когда собиралась приготовить завтрак.

Каждый раз речь шла об уважении, но почему-то именно от неё ожидали, что она будет молчать и соглашаться.

— Я тоже уважаю вас, — ответила Олеся, поворачиваясь к плите. — Но это не значит, что я должна со всем соглашаться.

На кухне повисла тишина.

Свекровь медленно поставила чашку на блюдце.

— Посмотрим, как ты запоёшь после свадьбы, — произнесла она негромко.

Олеся обернулась.

— Простите?

— Ничего. Я сказала, что семейная жизнь всему научит.

Женщина поднялась, забрала телефон и направилась к выходу.

— Завтрак Диме не пересоли. Он не любит слишком солёное.

С этими словами она покинула кухню.

Олеся осталась стоять возле плиты, чувствуя себя так, будто только что провалила какой-то экзамен, о котором даже не знала.

Через несколько минут вернулся Дима. Он уже переоделся в джинсы и чистую футболку.

— Ну что, чем пахнет? — весело спросил он, подходя к столу.

Олеся молча поставила перед ним тарелку.

Дима посмотрел на омлет, взял вилку и попробовал.

— Вкусно, — одобрительно произнёс он. — Спасибо, малыш.

Он улыбнулся ей так искренне, что Олеся на мгновение забыла обо всём, что произошло за последние сутки.

Вот он, её Дима.

Мужчина, которого она любила. Тот самый человек, рядом с которым ей хотелось строить будущее.

Он потянулся через стол и накрыл её ладонь своей.

— Ты чего такая серьёзная? — спросил он с нежностью в голосе.

Олеся посмотрела на их руки.

Ей хотелось рассказать ему всё. О том, как неуютно она чувствовала себя в этом доме, как каждое замечание его матери заставляло её сомневаться в собственных правах, как ей хотелось хотя бы однажды услышать от него: «Я понимаю. Давай решим это вместе».

Но она уже знала, что услышит в ответ.

«Не обращай внимания».

«Ты же знаешь, какая она».

«Не хочу ссориться из-за ерунды».

Олеся осторожно высвободила руку.

— Ничего, Дим. Просто не выпалась, — ответила она, заставив себя улыбнуться.

Он поверил.

Или предпочёл поверить.

Дима продолжил завтракать, рассказывая о каких-то рабочих делах. Олеся слушала, иногда задавала вопросы, но сама почти ничего не ела.

Она смотрела на мужчину напротив и пыталась вспомнить, когда впервые заметила, что он никогда не возражает матери.

Возможно, это было ещё на первом свидании, когда он сказал, что она обязательно должна ей понравиться.

Тогда эти слова показались Олеся милыми.

Теперь они звучали иначе.

Ночью Олеся долго не могла уснуть.

Дима лежал рядом, положив руку под подушку. Он быстро заснул, едва коснувшись головой матраса, и теперь спокойно дышал, совершенно не подозревая, что девушка рядом с ним снова и снова прокручивает в голове события последних дней.

Она старалась не шуметь, когда переворачивалась на другой бок. За окном было темно, лишь редкие огни соседних домов отражались в стекле.

Олеся уже почти провалилась в сон, когда услышала голоса.

Сначала ей показалось, что она просто не до конца проснулась. Но затем до спальни донёлся отчётливый голос свекрови.

— Ты ей ещё ничего не рассказал?

Олеся открыла глаза. Оглядела вторую половину кровати – пусто.

Голоса доносились из кабинета в конце коридора. Дверь, видимо, закрыли не до конца, поэтому слова были слышны гораздо лучше, чем следовало.

Несколько секунд никто не отвечал.

Затем Олеся услышала голос Димы:

— Нет.

Она приподнялась на подушке.

Мама Димы снова заговорила, на этот раз тише, но достаточно отчётливо:

— И не рассказывай.

Олеся застыла.

Она не понимала, о чём идёт речь. Не знала, что именно Дима скрывает и почему его мать считает необходимым вмешиваться в то, что он должен или не должен говорить своей будущей жене.

Но одно она поняла совершенно ясно: существовало что-то, о чём они разговаривали без неё. Что-то настолько важное, что мать Димы отдельно попросила его молчать.

И он согласился.

Олеся осторожно откинула одеяло и бесшумно встала с кровати. Сделав несколько шагов к двери, она остановилась в тёмном коридоре.

Ей хотелось подойти ближе, услышать продолжение разговора, наконец узнать, что происходит.

Но в этот момент в кабинете задвинулся стул.

— Всё, мам. Давай потом, — произнёс Дима.

Олеся поспешно вернулась в спальню.

Она забралась под одеяло и закрыла глаза, стараясь дышать ровно.

Через минуту дверь открылась.

Дима вошёл тихо, на цыпочках подошёл к кровати и осторожно присел рядом.

Олеся почувствовала, как матрас прогнулся под его весом.

Он убрал прядь волос с её лица и нежно поцеловал в лоб.

— Спи, малышка, — прошептал он.

Она едва удержалась, чтобы не открыть глаза.

Дима ещё несколько секунд смотрел на неё, затем лёг рядом и повернулся на бок.

Вскоре его дыхание снова стало ровным.

Олеся ждала.

Она слышала, как за стеной едва заметно щёлкнули часы, как за окном прошуршала машина, как Дима пошевелился во сне.

Только убедившись, что он больше не смотрит в её сторону, она открыла глаза.

В темноте потолок казался бесконечно далёким.

Она вспомнила разговор в свадебном салоне, чемодан у кровати, утренние замечания его матери. Всё это ещё можно было объяснить привычками, характером, разницей в воспитании.

Но как объяснить секрет?

Как объяснить то, что человек, которому она собиралась доверить всю свою жизнь, что-то скрывал от неё, а его мать знала правду?

Олеся повернулась к Диме.

В полумраке он выглядел таким же спокойным и родным, как всегда. Тем самым мужчиной, которому она верила без оглядки, рядом с которым представляла своё будущее.

Ей захотелось прикоснуться к его руке, разбудить и спросить прямо: что происходит?

Но она не решилась.
Пока нет.
Олеся отвернулась к окну и крепко сжала край одеяла.
Впервые с момента знакомства с Димой ей стало страшно.
Не из-за его матери.
Из-за него самого.
И от этой мысли было гораздо больнее, чем она могла себе представить.

Глава 3. Неожиданная гостья.

Утром Олеся проснулась раньше Димы.

Несколько минут она лежала неподвижно, глядя на светлую полосу, пробивавшуюся сквозь шторы. Ночь почти не принесла ей отдыха. Стоило закрыть глаза, как в памяти снова возникал вчерашний разговор за дверью кабинета.

«Ты ей ещё ничего не рассказал?»

«Нет».

«И не рассказывай».

Всего три короткие реплики. Ничего конкретного, никаких объяснений. И всё же именно они не давали Олеся покоя.

Она повернула голову. Дима спал, отвернувшись к краю кровати. Одна рука лежала поверх одеяла, волосы растрепались, а лицо казалось непривычно незащищённым. В такие минуты он выглядел совсем иначе, чем во время их разговоров о свадьбе, работе и будущем. Просто человеком, которому она доверяла.

Олеся невольно вспомнила, как познакомилась с ним, как постепенно привыкала к его присутствию в своей жизни, как однажды поймала себя на мысли, что уже не представляет выходных без него.

Неужели всё это время она чего-то не знала?

Она осторожно села на кровати, стараясь не разбудить Диму.

Возможно, речь шла о чём-то совершенно незначительном. О работе, старых долгах, семейных обстоятельствах, о которых ему было неприятно рассказывать. В конце концов, у каждого человека есть прошлое, и Олеся никогда не требовала от любимого отчёта за каждый прожитый день.

Но если секрет действительно не имел значения, почему его мать просила молчать?

И почему Дима согласился?

— Ты чего так рано? — сонно пробормотал он.

Олеся вздрогнула и обернулась.

Дима приоткрыл глаза, потянулся и улыбнулся ей.

— Доброе утро, — ответила она, стараясь говорить как обычно.

— Доброе, — отозвался он, протягивая к ней руку. — Иди сюда.

Она на секунду замешкалась, но всё же легла рядом. Дима притянул её к себе, поцеловал в висок и снова прикрыл глаза.

— Сегодня у нас важный день, между прочим, — напомнил он с улыбкой.

— Какой ещё? — спросила Олеся, пытаясь вспомнить, не забыла ли о чём-то важном.

— Мама собиралась отвезти тебя за свадебными аксессуарами. Вы же вчера договаривались.

Олеся замолчала.

Она действительно помнила об этом. После примерки свекровь сообщила, что им необходимо выбрать украшения, фату и прочие детали к платью. Тогда Олеся согласилась, не желая продолжать спор.

Теперь перспектива провести с этой женщиной несколько часов наедине не вызывала у неё никакого энтузиазма.

— Точно, — наконец ответила она.

Дима приподнялся на локте и внимательно посмотрел на неё.

— Ты чего такая кислая? — спросил он с лёгким удивлением. — Опять из-за вчерашнего?

— Нет, Дим. Всё нормально, — поспешно заверила его Олеся.

Он несколько секунд изучал её лицо, словно пытался понять, действительно ли она говорит правду.

— Ты только не ссорься сегодня с мамой, ладно? — попросил он примирительным тоном. — Она иногда бывает резкой, но ты же знаешь, как сильно она хочет, чтобы наша свадьба прошла хорошо.

Олеся медленно повернулась к нему.

— А ты когда-нибудь думал о том, чего хочу я? — спросила она негромко.

Дима нахмурился.

— Конечно, думал. Что за вопросы?

— Просто спрашиваю.

— Олеся, ну не начинай с утра, — вздохнул он, потянувшись за телефоном. — Давай сегодня спокойно всё выберем. Хорошо?

Она ничего не ответила.

Дима поцеловал её в щёку, словно этого было достаточно, чтобы закрыть разговор, и переключился на сообщения.

Олеся отвернулась к окну.

Ей хотелось верить, что всё происходящее — всего лишь череда неприятных недоразумений. Что после свадьбы они с Димой смогут жить отдельно, самостоятельно принимать решения и строить собственную семью.

Но с каждым днём ей становилось всё труднее убеждать себя в том, что проблема действительно сводится к характеру его матери.

К назначенному времени Олеся спустилась на первый этаж.

На ней были светлые брюки, тонкий кашемировый джемпер и пальто, которое она накинула перед выходом. Волосы она собрала в низкий хвост, оставив несколько прядей у лица.

Мама Димы уже ждала в прихожей. В руках она держала небольшую сумку.

— Ну наконец-то, — произнесла она, посмотрев на часы. — Я уж думала, мы не успеем.

Олеся взглянула на время.

Они приехали бы даже раньше, если бы не задержались у зеркала, когда свекровь в последний момент решила сменить обувь.

— Я готова, — спокойно ответила девушка.

— Тогда пойдём. Я знаю отличный салон, там как раз есть то, что нам нужно.

Олеся последовала за ней к выходу.

На улице было прохладно. Небо затянули серые облака, а ветер гнал по тротуару сухие листья. У подъезда стоял автомобиль свекрови.

Женщина открыла переднюю дверь, но, заметив, что Олеся направляется к ней, остановила её жестом.

— Садись назад, пожалуйста. Мне нужно по дороге кое-кому позвонить.

Олеся на секунду замерла, но спорить не стала. Она обошла машину и устроилась на заднем сиденье.

Свекровь села за руль, завела двигатель и включила навигатор.

Некоторое время они ехали молча.

Олеся смотрела в окно, наблюдая, как город медленно проплывает мимо. Она надеялась, что поездка пройдёт спокойно: они выберут необходимые аксессуары, выпьют кофе и вернутся домой без очередного разговора о том, как ей следует себя вести.

Но, судя по тому, как часто свекровь поглядывала на неё в зеркало заднего вида, у той были совсем другие планы.

— Олеся, скажи честно, — начала женщина, когда автомобиль остановился на светофоре. — Ты ведь действительно любишь моего сына?

Олеся повернулась к ней.

— Конечно. А почему вы спрашиваете? — удивлённо ответила она.

Свекровь перевела взгляд на дорогу. Светофор переключился, машина тронулась с места.

— Любовь — это прекрасно. Но для брака её недостаточно, — рассудительно произнесла она.

Олеся нахмурилась.

— А чего, по-вашему, недостаточно? — спросила она, пытаясь понять, к чему ведёт этот разговор.

Женщина чуть повернула голову, посмотрев на девушку через плечо.

— Ты когда-нибудь задумывалась, почему Дима до сих пор не женат? — поинтересовалась она с едва заметной улыбкой.

Олеся почувствовала, как внутри что-то неприятно кольнуло.

Вопрос был неожиданным. Дима не раз рассказывал ей о своей жизни до их знакомства, о работе, друзьях, путешествиях. Но о прежних серьёзных отношениях говорил мало. Олеся не настаивала, решив, что всему своё время.

Теперь же ей стало казаться, что она упустила нечто важное.

— Он говорил, что у него были отношения, — осторожно ответила она. — Но мы не обсуждали это подробно.

— Вот как, — протянула свекровь, словно услышала именно то, чего ожидала.

Она снова посмотрела на дорогу.

— Хотя, наверное, он сам должен тебе это рассказать, — добавила женщина с многозначительной интонацией.

Олеся почувствовала, как напряжение постепенно сменяет первоначальное недоумение.

— Что именно? — спросила она, наклонившись чуть вперёд. — Что случилось?

Свекровь усмехнулась.

— Олеся, я не собираюсь вмешиваться в ваши отношения. Это ваша жизнь.

Она произнесла это с такой невозмутимостью, что девушке захотелось спросить, зачем тогда вообще был задан этот вопрос.

— Просто я считаю, что перед свадьбой люди должны знать друг о друге всё самое важное, — продолжила женщина.

— Вы хотите сказать, что Дима мне что-то не рассказал? — прямо спросила Олеся.

Свекровь на мгновение замолчала.

— Я ничего не хочу сказать, дорогая. Подумай сама.

После этого она прибавила громкость радио, словно разговор был окончен.

Олеся откинулась на спинку сиденья.

Ей хотелось потребовать объяснений, но она понимала, что ничего не добьётся. Свекровь намеренно оставляла недосказанность, подбрасывая вопросы и отказываясь давать ответы.

И теперь Олеся уже не могла думать о свадебных украшениях.

Она думала о Диме.

О том, почему его мать так настойчиво намекала на прошлое сына. О том, что именно он скрывал за закрытой дверью кабинета. И о том, почему ей вдруг стало казаться, что все вокруг

знают какую-то историю, в которой ей самой отведена роль последнего человека, посвящённого в происходящее.

Вечером Олеся дождалась, когда Дима вернётся домой.

Весь день она пыталась отвлечься: рассматривала свадебные украшения, выбирала серьги, обсуждала с консультантом фату. Свекровь вела себя почти безупречно, и со стороны они, вероятно, выглядели как две женщины, занятые приятными предсвадебными хлопотами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.